

В статье рассмотрены основные социально-экономические проблемы российского Севера – демографический кризис, сложности взаимодействия властей и бизнеса, в том числе особенности экономического поведения корпораций, дефицитность местных бюджетов и др. Особо выделена роль науки и государственной политики в решении стратегических проблем Севера.

Ключевые слова: северные территории, проблематика Севера, государственная политика

Социально-экономические проблемы Севера России

В.Н. ЛАЖЕНЦЕВ, *Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ Уральского отделения РАН, Сыктывкар*
E-mail: lazhentsev@iespn.komisc.ru

Север в науке и государственной политике

В нашей стране к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям полностью отнесены 13 и часть территории 11 субъектов Федерации. Север занимает две трети территории России. Здесь проживает примерно 7% населения страны, в том числе около 350 тыс. чел. – это малочисленные народы и 1250 тыс. чел. – народы многочисленной коренной национальности.

В регионах Севера в 2007 г. производилось 17% ВВП, 18 – электроэнергии, 25 – лесной продукции, 90 – природного газа, 75 – нефти, 80 – золота, 90% меди и никеля, почти весь объем алмазов, кобальта, платиноидов, апатитового концентрата. Во всех категориях хозяйств зоны Севера поголовье домашних оленей в 2006 г. составляло 1660 тыс. голов, в том числе в Ямало-Ненецком АО – 44%, Ненецком АО – 13, Чукотском АО – 11, Республике Саха (Якутия) – 11, Республике Коми – 6, Мурманской обл. – 4%. Сохранили свое социально-экономическое предназначение охота и промыслы.

Генеральная идея науки – не только освоение природных ресурсов, но и цивилизованное обживание территорий со сложившимися историко-культурными «ядрами» (очагами), переход от истощительного использования природных

© ЭКО 2010 г.

и человеческих ресурсов – к их системному воспроизводству, от вывоза почти полного объема потенциального капитала – к материализации его значительной части на месте, от моноотраслевой – к полиспециализации на основе научно-технического прогресса, от преимущественной трансляции «внешних» указаний – к выработке собственных решений, от полного государственного патернализма – к координации всех активных субъектов хозяйственной и общественной деятельности при поддержке государства.

Экономику Севера следует более тесно увязать с решением задач формирования внутрirosсийского рынка и устойчивым развитием местных общностей людей с их исторически сложившейся культурой и хозяйственными традициями¹. Одна из ключевых проблем экономической теории применительно к северной тематике – обоснование направлений и стимулов роста, справедливого распределения положительной природно-ресурсной ренты и снижения отрицательной, обусловленной климатом и периферийностью².

Желательно, чтобы перечисленные проблемы стали содержанием не только научных исследований, но и государственной северной политики.

В настоящее время актуальность северной тематики обусловлена противоречиями между «что должно быть» и «что происходит в реальности». За последние 15 лет по Северу приняты сотни нормативных актов, но зачастую они имеют формальный характер и низкий уровень исполнения. И это при условии, когда в Совете Федерации и Государственной думе их профильные (северные) комитеты энергично защищают интересы северных и арктических регионов.

В частности, это находит отражение в научно-информационном бюллетене «Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации», издаваемом Комитетом по делам Севера и малочисленных народов Совета Федерации с 2005 г.; в многочисленных научных трудах, в том числе – совместных

¹ Доклад о развитии человека в Арктике. Пер. с англ. / Ред. А.В. Головнев. – Екатеринбург; Салехард, 2007. – 244 с.

² Политологи считают Север своеобразным индикатором состояния дел в российском государстве. См.: *Васецкий А.А., Зуев С.Э.* Северная политика России: арктические перспективы // Экономика и управление. – 2010. – № 3 (53). – С. 45–48.

научно-аналитических докладах Института экономических проблем Кольского НЦ РАН и ИСЭЭПС Коми НЦ УрО РАН (2005–2010 гг.), адресованных органам государственной власти.

Заметим, что сложность решения данных задач сопряжена с разнообразием северов: Кольского, Беломорского, Печорского, Обского, Енисейского, Ленского, Колымы, Чукотки, Камчатки, Сахалина и др.

За федеральным же правительством остается регулирование хотя и важной, но относительно узкой социально-экономической сферы, связанной с необходимостью компенсации дополнительных издержек по обеспечению жизнедеятельности и хозяйствования. Для этого наукой выделяются широтные *зоны дискомфорта*: Арктика (абсолютно дискомфортная, чрезвычайно неблагоприятная), Субарктика (экстремально дискомфортная, очень неблагоприятная), районы, приравненные к Крайнему Северу (дискомфортные, умеренно неблагоприятные) и приравненные к Северу (относительно дискомфортные, относительно благоприятные).

Нам представляется целесообразным не только в научной литературе, но и в официальных документах обозначить северные зоны названиями: Арктика, Дальний Север, Средний Север и Ближний Север и использовать технологию междисциплинарного исследования, когда из разнообразных характеристик Севера «выводится» социально-экономическое содержание и формулируются соответствующие проблемы:

климатический дискомфорт → северное удорожание → проблемы снижения затрат на освоение и обживание территории;

периферийность → недостаточная освоенность, низкая инновационность, трансляционность управления → проблема организации экономического пространства с учетом индустриальных и постиндустриальных технологий производства;

ресурсность → сырьевая специализация, неэквивалентность товарообмена, экстерриториальное поведение ресурсных корпораций, рентодеформированный экономический механизм → проблема правильного определения, исчисления, изъятия и распределения положительной природно-ресурсной ренты;

этничность → разрушение традиционного жизнеобеспечения, ослабление этнокультурной идентичности → проблема установления оптимального соотношения государственного патернализма и самоорганизации укорененных на Севере народов.

Наибольшее внимание уделяется следующим проблемам социально-экономического развития: демографический кризис

и другие угрозы социальному развитию; нестыковка корпоративных и территориальных стратегий развития; декларируемый экономический федерализм при реальной бюджетной недостаточности.

Человек на Севере

Тенденции изменения численности населения регионов Севера таковы: существенный рост – в Ханты-Мансийском АО, положительная динамика – в Ямало-Ненецком АО, относительная стабильность – в Республике Тыва, отрицательная динамика – в республиках Карелия, Саха (Якутия) и Архангельской области, значительное снижение – в Республике Коми, Мурманской, Сахалинской областях и Камчатском крае, «обвальное» снижение – в Магаданской области и Чукотском АО. Численность жителей Крайнего Севера и приравненных к нему местностей сократилась с 11 млн до 9,8 млн чел.

К сокращению численности населения можно относиться по-разному. Положительно – поскольку на Севере имеется переизбыток, например, неработающих пенсионеров; отрицательно – поскольку ясно, что потеря критической массы населения приведет к утрате специфических северных хозяйственных укладов (с выездом людей коренные сообщества теряют базу потребления производимых ими товаров и услуг).

Люди вправе выбирать себе место жительства. Поэтому недопустимы обе крайности: первая – как можно больше переселить; вторая – во что бы то ни стало удержать и закрепить. Правильнее ориентироваться не на количество, а на качество населения и условия его жизни.

Главные причины выезда:

- снижение доли экономически активного населения, высокий уровень безработицы (в среднем до 45%, а по некоторым населенным пунктам – и до 100% трудоспособных лиц из числа малочисленных народов числятся безработными). В ряде сельских мест население вернулось к натуральному хозяйству.

В адаптации к сложной социально-экономической ситуации кольских саамов немаловажную роль играет их этнокультурное единство с саамами северной Скандинавии, ямальских ненцев – кооперация по поводу переработки продуктов оленеводства и рыболовства, обустройства факторий, а также охоты на волков;

таймырских долган, ненцев, нганасанов, эвенков и энцев – сохранение этносоциальных особенностей организации оленеводства, рыболовства и охоты; народностей Дальнего Востока (чукчей, эскимосов, коряков и др.) – включение их в индустриальный морской промысел, сбор плодов и ягод и сферу туризма;

- *ущербная структура рабочих мест* – преобладают малопродуктивные, удобные только для работников низкой квалификации; недостаточно высокодоходных, требующих высокой квалификации, напряженного труда и его системной организации³;
- *почти полное исчезновение такого стимула, как «северный длинный рубль»*. Величина прожиточного минимума в северных регионах в 1,6–2,7 раза выше, чем в центральных, что «перекрывает» более высокий заработок;
- *низкий уровень социального обустройства* – жилые дома старой постройки в плохом состоянии, нередко в аварийном; не развита дорожная сеть, чрезмерно высоки тарифы на перевозки и услуги связи;
- *утрата традиционных социально-экономических связей между городом и деревней*, так как стихийный товарообмен нарушен чрезмерным импортом продовольствия, поэтому уезжают не только из городов и поселков, но и из сельской местности;
- *боязнь потерять здоровье*. Уровень заболеваемости среди северян превышает средний по стране в 3–5 раз, а туберкулезом в ряде регионов – в 6–17 раз; в два с лишним раза у северян выше онкопатология, заболеваемость органов дыхания и кровообращения.

В государственной северной политике следует активнее регулировать миграционные процессы посредством оптимизации структуры рабочих мест и программ переселения избыточного населения. Но не только. Лишь на первый взгляд кажется, что вся суть демографической динамики в северных регионах заключается в отрицательной внешней миграции (ее доля

³ На первый взгляд, такого рода ущербность не видна. Напротив, можно наблюдать, как хорошо организованы буровые работы, транспортировка нефти и газа, добыча угля и заготовка древесины. Однако на головных технологических операциях занято не более 10% от общего числа работающих в нефтегазовом, угольном и лесозаготовительном комплексах. Остальные работают в сфере производственного и социального обслуживания, с крайне низким уровнем организации и производительности труда.

в сокращении численности населения на Севере составляет более 90%), однако, если бы сохранился уровень естественной динамики конца 1980-х годов, то соотношение значимости миграции и естественного движения было бы примерно 50:50.

Отсюда следует, что на Севере, как и в России в целом, первостепенной в демографической политике является проблема роста рождаемости и снижения смертности. Такое понимание, к сожалению, пришло с большим опозданием, а потому усилия государства ранее были направлены в основном на реализацию программ переселения (но и это делается половинчато и не системно).

Позитивная демографическая динамика последних трех лет объясняется реализацией национальных проектов в области народонаселения, здравоохранения, образования и сельского хозяйства. Полностью положительный эффект указанных проектов проявится лишь через 3–4 года, частично нивелируя предстоящее сокращение численности населения. Текущий же эффект в большей мере обусловлен вступлением в детородный возраст родившихся в конце 1980-х годов.

Корпорации и территориальное развитие

Проблема взаимодействия бизнеса и власти – участие корпораций в социальном развитии городов и регионов – обострилась с 2008 г. в связи с финансовым кризисом и его сильным негативным проявлением в монопрофильных городах и районах.

Монопрофильность на Севере в рамках индустриального этапа развития является естественной и соответствует общим закономерностям географического разделения труда. Наибольшее число моногородов в Ханты-Мансийском АО (13 городов), Мурманской области (7), Республике Коми (4), Ямало-Ненецком АО (4 города).

В прошлые годы крупные предприятия проектировались и развивались как производственно-социальные комбинаты. Они в плановом порядке несли на себе нагрузку в сферах жилищно-коммунального хозяйства, строительства, транспорта, здравоохранения, спорта и ряде других. На Севере это воспринималось как должное и надолго; в других местах – как вынужденное и временно целесообразное.

В условиях рыночной экономики и корпоративного управления такого рода симбиоз оказался неприемлемым, и компании стали выводить непрофильные активы за рамки хозяйственной деятельности. Это оказало значительное влияние на социальное развитие территорий, поскольку в моногородах крупных компаний проживает 12 млн чел., или 11% городского населения страны.

В полосе основного каркаса расселения людей региональные правительства и муниципалитеты рассматривают «непрофильность» вспомогательных и обслуживающих производств и предприятий инфраструктуры как основу расширения малого и среднего бизнеса. В этом есть резон, но реализовать этот принцип весьма трудно из-за традиционной технологической отсталости такого рода производств и отсутствия стартового капитала для их модернизации. На Севере к тому же весьма узок рынок сбыта технических и социальных услуг, потому вынужденная привязка вновь организуемых малых предприятий к «материнской» компании ограничивает их коммерческую самостоятельность.

В условиях кризиса ярко проявились различия в территориально-экономическом поведении корпораций. Вот примеры.

Вертикально-интегрированная компания «Северсталь» и последовательно входящие в нее акционерные общества «Северстальресурс» и «Воркутауголь». С одной стороны, в условиях кризиса потребление воркутинского коксующегося угля хотя и сократилось, но не критически, благодаря «Северстали» (Череповецкому металлургическому заводу). С другой – борьба этой компании за «чистоту активов» поставила социальную сферу г. Воркуты в крайне тяжелое положение.

НК «Лукойл» и входящее в нее ОАО «Коми-Лукойл». Здесь потери от финансового кризиса удалось распределить равномерно по вертикали и горизонтали, потому г. Усинск существенно не пострадал. Он устойчиво сохраняет за собой роль базового города освоения Тимано-Печорской нефтегазодобывающей провинции.

Диверсификация структуры хозяйства моногородов и территорий узкой сырьевой специализации должна быть связана, главным образом, с совершенствованием основного производства и комплексным использованием сырьевых ресурсов.

Именно это направление является долгосрочным фактором решения проблемы занятости и социальной стабильности. Поэтому следует обратить внимание на два момента:

- снижение уровня безработицы любой ценой для северных регионов может обернуться созданием неприемлемых для них производств, которые в скором времени придут в упадок из-за неконкурентоспособности;
- не сами по себе природные ресурсы (нефть, газ, уголь и др.), а организующая роль производственных компаний является движущей силой территориального развития.

Ханты-Мансийск. Благодаря взаимодействию бизнеса и власти он стал городом «европейского стандарта», для обустройства которого в качестве столицы округа были сконцентрированы финансовые ресурсы (даже с некоторым ущербом нефтяным городам).

Деятельность корпораций все больше зависит от организации банковского дела и денежного обращения. Если вышеприведенные примеры отражают различия в экономическом поведении корпораций в системе территориальных отношений, то тенденции в движении финансов являются равно общими: деньги скапливаются в крупных финансовых центрах, главным образом, в Москве.

В 1970–1980 гг. из Республики Коми ежегодно «уходило» примерно 15% наличных денег населения в виде переводов, отпускных и вывозимых для покупки дефицитных товаров, в 1990-е годы – 50–60% (спекулятивные деньги). Кассовый план национального банка республики наполовину выполнялся за счет эмиссии. В 2000-х годах проблем с наличностью уже не было, но безналичные деньги стали уходить в еще большей доле.

Здесь главную роль играет взаимодействие двух пар агентов: «головной офис корпорации – головной банк ее обслуживания», «региональный офис дочерней структуры корпорации – филиал того же банка». Например, в Республике Коми лишь три самостоятельных банка и 27 филиалов. Именно последние и выполняют функцию «насоса». Как бы ни были высоки доходы, получаемые внутри регионов Севера, их правительства вынуждены проводить напряженную работу по привлечению инвестиций из внешних источников.

Преодолеть эти тенденции в деятельности корпораций можно лишь частично методами экономического регулирования –

за счет лицензирования освоения природных ресурсов и нормирования воспроизводства основных фондов, в том числе использования амортизации.

Бюджетная недостаточность

Проводимая ныне политика чрезмерной концентрации финансовых ресурсов от природопользования в федеральном бюджете является пагубной для северных регионов (и для многих других), поскольку других источников наполнения бюджетов у регионов крайне мало. В 2008 г. 73,2% налогов и сборов в бюджетной системе регионов, полностью отнесенных к северным, поступили в федеральный бюджет. Обеспеченность их бюджетов собственными доходами заметно снизилась.

В 1990-х годах в консолидированных бюджетах субъектов РФ было сосредоточено 75–85% всех платежей за использование природных ресурсов; в 2002 г. эта доля упала до 35%, а в 2008 г. – до 20%. В суммарных консолидированных бюджетах северных регионов доля доходов от использования природных ресурсов в 2008 г. колеблется в пределах 1–15%. Например, доля налога на добычу полезных ископаемых в консолидированном бюджете Республики Коми в 2009 г. составила лишь 3% (в 2008 г. – 6%).

Слабая «привязка» территориальных бюджетов к доходам от природопользования привела к тому, что в докризисные 2005–2006 гг. с дефицитом исполнялись консолидированные бюджеты республик Карелия, Саха (Якутия), Тыва, Коми, Камчатской и Магаданской областей и (совсем парадоксально) Ханты-Мансийского АО. Потоки финансов из регионов Севера в Центр в 2006 г. превышали обратные в 16 раз.

В 2007 г. ситуация немного улучшилась в республиках Коми и Тыва, а также в Камчатской области. Но в целом по северной зоне бюджетный дефицит увеличился в 1,8 раза. В структуре бюджетов доля трансфертов составила 53,3% (от 30,1% в Архангельской области до 92,8% – в Корякском АО). В то же время из районов Севера поступило налогов и сборов в федеральный бюджет 1088,5 млрд руб., а в обратном направлении – 89,3 млрд руб. Разница – в 12 раз.

Принцип равноправия в финансово-экономических отношениях еще сильнее пошатнулся в 2009 г. в связи с почти

полной централизацией налога на добычу полезных ископаемых. Правда, в условиях финансового кризиса произошли некоторые изменения.

Республика Коми. Здесь в 2009 г. налоговые платежи (без единого социального налога и взносов на обязательное пенсионное страхование) в бюджеты всех уровней составили 69,7 млрд руб., из них в федеральный – 35,5 млрд (51,1%), в консолидированный бюджет республики – 34,2 млрд руб. (49,4%). По сравнению с 2008 г. доля поступлений в федеральный бюджет снизилась на 14 п. п., поскольку резко сократилась налогооблагаемая база, прикрепленная к федеральному бюджету. Налоговые платежи в республике в целом за этот период уменьшились на 33%; в федеральный бюджет – на 47%, в консолидированный бюджет республики – на 5%. Общая установка на сокращение расходов (за исключением некоторых статей социального обеспечения) правительством Республики Коми выполнена так, что кризисный 2009 г. закончен с дефицитом по консолидированному бюджету всего лишь в 2,2%. Но от этого нисколько не легче...

Ханты-Мансийский АО. Принятый в 2003 г. ФЗ № 95 в значительной мере лишает автономные округа финансовой самостоятельности, что служит мотивом к их слиянию с «метрополитной» областью или краем. Но Ханты-Мансийский АО заключил с Тюменской областью договор, сохраняющий до 2011 г. статус-кво округа, с обязательством передать в бюджет Тюменской области часть своих налоговых доходов при условии, что из этой части значительная доля пойдет на финансирование общих инфраструктурных проектов. Аналитики назвали это «свободой в обмен на деньги»⁴.

Безусловно, главную роль должны играть не конъюнктурные колебания, а принципы и правила классического экономического федерализма, однако и они не могут гарантировать непротиворечивости межбюджетных отношений. Многие зависят от политического курса (например, выстраивание властной вертикали) и экономической логики центрального и региональных правительств, а также органов местного самоуправления. Центр подчеркивает правомерность концентрации финансовых ресурсов, поскольку Россия все еще переживает этап нестабильности и кризисных колебаний. К тому же с природными и техногенными катаклизмами, которые приобрели характер мирового явления, можно справиться лишь сообща (централизованно).

Регионы и муниципалитеты выдвигают встречный тезис: гарантии устойчивого социально-экономического развития

⁴ Пространство, люди, экономика Югры. Социально-экономическая трансформация Ханты-Мансийского автономного округа / Науч. ред. С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер. – М.: Экономист, 2007. – С. 9.

можно повысить, если на местах будет достаточно средств для упреждения надвигающихся кризисов и возможных аварийных ситуаций. Нам кажется, что здесь заключено непреодолимое противоречие самой жизни...

Стратегические проблемы

Проблема северных социумов. Могут ли сложившиеся на Севере историко-культурные «ядра» (социумы) сохраниться и служить основой дальнейшего освоения и обживания территорий? Для ответа на этот вопрос необходимо провести социальные и экономические исследования в широком историческом плане с выделением таких процессов, как проникновение, переселение, передислокация, экономическая интервенция и управляемая интеграция. Жизнь на Севере неистребима (если, конечно, для этого не будут предприняты специальные политические меры). Но суть вопроса в том, что пока не сформирован идеальный образ североарктического общественного уклада, не определены (как говорят философы) структуры-аттракторы, предопределяющие перспективный вектор развития.

Проблема общественного воспроизводства. Может ли воспроизводственный подход к организации хозяйства и жизнедеятельности быть в целом реализован в условиях Севера? Этот вопрос актуален, поскольку в настоящее время преобладает истощительное использование природных ресурсов без должного внимания к их воспроизводству. Образно говоря: много Производства, но мало Хозяйства. Как и для любых других геоструктур, для Севера актуален вопрос выбора типа интегральных хозяйственных систем, приспособленных к окружающей среде. Это, по-видимому, будут в основном локальные системы.

Проблема самоуправления и самодостаточности. Возможен ли в управлении северами переход от государственного патернализма к самоорганизации на основе координации всех активных субъектов хозяйственной и общественной деятельности? Классики «североведения» С.В. Славин и Г.А. Агранат считали, что первостепенная роль государства относительно Севера предопределена на все времена, другие исследователи

(например А.Н. Пилясов) – что на первое место нужно поставить самоорганизацию с учетом источников и движущих сил общественного развития, свойственных этапу постиндустриального развития и диффузии нововведений, третьи (Т.Е. Дмитриева) – что даже периферия Севера способна к самодостаточности и саморазвитию на основе экономики знаний, роста человеческого потенциала и правильного исчисления, изъятия и распределения природно-ресурсной ренты.

Разброс мнений пока значительный. Многие, в том числе и автор, рассматривают данный вопрос применительно к решению конкретных народнохозяйственных задач, отводя государству как минимум роль «механизма запуска» формирования и реализации крупных производственных и социальных проектов.

Проблема нордификации. Почему в последние 20 лет свернута деятельность, которую ранее обозначали как «привязка к месту» решения научно-технических и социально-экономических задач? Надо ли ее восстановить и каким образом?

Ответ на первый вопрос: потому, что революционное реформирование политико-экономической системы нашей страны привело к почти полному развалу отраслевой науки и комплексного территориального проектирования. Ответ на второй вопрос: надо, но с выбором узловых проблем развития территорий со сложными и экстремальными природными условиями. В первую очередь следует вернуться к решению проблем техники в северном исполнении.

То же можно сказать и о зональном принципе градостроительства. Разработка схем территориального планирования в северных регионах должна быть сопряжена с научным обоснованием минимизации вспомогательных и обслуживающих производств, межрегиональной интеграции по линии «Север – Юг», вахтового, районного и экспедиционного методов освоения природных ресурсов. На наш взгляд, Северу нужны комплексные ресурсно-сырьевые компании, ориентированные на освоение не одного ресурса, а их сочетаний.

В настоящее время в центре внимания общества и государства относительно Севера стоят вопросы о районировании, об экономических регуляторах хозяйственной деятельности, о прожиточном минимуме, пенсионном обеспечении,

гарантиях и условиях переселения, государственной поддержке семьи и детства, о жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. Все это – важнейшая часть практики государственного управления. Здесь многие научные проблемы уже решены. Это не значит, что наука не будет заниматься экспертизой социальных программ и нормативных актов, но в большей мере она, все же, должна выявлять новые направления северной политики.

В совершенствовании нуждается нормативное регулирование показателей «северности».

Социально-экономические показатели:

- нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для лиц, работающих в условиях Крайнего Севера, увеличены на 15%;
- нормы комплектов одежды (с Ближнего Севера в сторону Арктики): 1) с умеренной теплоизоляцией; 2) меховая одежда с теплоизоляционным слоем; 3) полушубки, валенки и др.; 4) одежда из высококачественного меха;
- продолжительность отопительного периода, в днях: Ближний Север – 225, Средний Север – 250, Дальний Север – 350;
- тарифы на тепло и электричество: в 2009 г., например, предельные, максимальные и минимальные уровни тарифов на электроэнергию установлены: для Республики Коми – 2,89–3,06, Чукотского АО – 7,83–8,53 руб./кВт·ч. Здесь учитываются не только различия в экономико-географическом положении, но и структура энергоисточников;
- районные коэффициенты и стажевые надбавки к заработной плате (от минимального – 1,55 до максимального – 3,7; в местностях, приравненных к нему: соответственно от 1,45 до 2,2);
- сокращенный на пять лет возраст выхода на пенсию (мужчины – 55, женщины – 50 лет);
- надбавка к пенсии с учетом северных коэффициентов к заработной плате и ее сохранение выезжающим в другие регионы страны;
- дополнительный отпуск на Крайнем Севере – 24 дня, в местностях, к нему приравненным, – 16 дней;
- компенсация стоимости проезда к месту проведения отпуска и лечения (один раз в два года);
- активированные дни для работающих на открытом воздухе (в Республике Коми нормативные потери рабочего времени в зимний период – от 3 до 13%, а по гигиеническим требованиям – от 10 до 35%).

Производственно-экономические показатели:

- коэффициенты удорожания строительно-монтажных работ⁵ (таблица):

Коэффициенты удорожания строительно-монтажных работ по зонам Севера

Север	Центральная полоса	Периферия
Ближний	1,43	1,63
Средний	1,56	1,82
Дальний	1,83	2,50

- коэффициенты к нормам продолжительности строительства: Ближний Север – 1,3–1,4; Средний Север – 1,5–1,7; Дальний Север – 1,8–2,0;
- ускоренная амортизация основных фондов;
- сезонные запасы товаров (в розничной торговле запасы, например, в Коми – 117 дней, в Якутии – 220 дней. Это соответственно в три и шесть раз больше, чем в центральных регионах);
- «товары в пути», в днях;
- финансирование и кредитование северного завоза и сезонных запасов (50–100% и более от стоимости товара).

Дополнительно к перечисленному отметим, что малочисленные народы Севера имеют определенные гарантии социального и экономического благополучия, законодательно установленные государством и реализуемые через специальные программы.

Задача науки относительно данных и многих других показателей северности заключается в оценке их достоверности путем совершенствования методологии и методов экспертизы.

* * *

Северная геополитика должна быть нацелена, прежде всего, на обеспечение военно-политической и экономической безопасности России; внутренняя политика – на устойчивое развитие северных и арктических регионов и усиление их роли в формировании единого общероссийского рыночного пространства. Все это требует усиления и особой организации междисциплинарных исследований в области североарктической тематики.

⁵ Рассчитаны в ИСЭЭПС Коми НЦ УрО РАН (Т.Е. Дмитриева) на основе СНИП применительно к Республике Коми.